

Мариэтта Шагинян

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
И СОВЕТСКАЯ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Сборник статей

29/82

О Г И З

Государственное издательство
художественной литературы

1942

Отечественная война и советская интеллигенция

В первые же дни войны с гитлеровской Германией советская интеллигенция снова показала себя как неотрывная часть народа и армии, как действенная историческая сила. На фронте, в ополчении, в учреждениях советские интеллигенты отдадут все свои силы обороне: педагоги на время школьных каникул стали санитарями и сестрами милосердия, студенты пошли на производство и в колхозы и т. д. В этой быстрой замене старой, привычной формы деятельности, в самоотверженном служении великому делу обороны подтвердились слова Сталина о том, что данная война является не только войной между двумя армиями, что она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских орд.

Но в факте быстрой мобилизации советской интеллигенции и ее деятельного „переворужения“ сказалась и еще одна великая черта нашего государства, опрокидывающая ходовой аргумент фашизма. Устами своего вожака Гитлера и его подручного Геббельса фашизм сотни раз объявлял, что „интеллектуальное есть смерть характера“, что умственная культура человечества и привычка к умственной деятельности превращают людей в безвольных пытников, в навоз

истории, в бесхарактерных резонеров, не способных ни к какому историческому действию.

Нельзя себе представить большего, чем у фашистов, презрения к интеллигенции! Публично в речах и фактами дикого варварства на деле, фашизм с первых же своих шагов опирался на инстинкт зверя в человеке, на темные атавистические пережитки в нем, на бессознательные эмоции, которые Гитлер именует — „таинственными силами“ („Geheimnissvolle Kräfte“). Он всерьез утверждает, что ни одно большое общественное движение в истории никогда не возникало от разума, от написанной книги, а только от словесных лозунгов, бросаемых в народ с трибуны: „Сила, поднимавшая большие исторические лавины религиозного или политического порядка, — это с извечных времен лишь волшебная сила произнесенного слова. Величайшие перевороты на земле никогда не производились гусиным пером“ („Моя борьба“). Заметьте эпитеты: „волшебная сила“, „таинственные силы“.

Ставка на темный инстинкт, на „неграмотного“, на нутряного человечка с топорищем в руках, — уж кому, кому, а нам отлично знакомого по царским черносотенцам, — всегда связана с невежеством и порождается невежеством, как отместка „ушибленного в голову“, обида кретина, восстание недоразвитой, не ставшей человеком обезьяны. И любопытно, что сами же фашисты, писавшие о Гитлере (правда, до его прихода к власти!), всегда отмечали в нем черту затаенной обиды выскочки, враждебность недоучки к культуре. Фашист Биллунг, выпустивший в 1931 году книгу о Гитлере, нечаянно вскрыл ахиллесову пяту Гитлера. Он писал:

Когда Гитлер в частном разговоре наталкивается на точное знание и ясную волю, он пасует (weicht aus) или рассыпается в завереньях чувств*. А происходит это потому, что: „Главнейший недочет (Манко) в существе Гитлера — это пробелы (дыры) в его образовании, которые ему тяжело будет восполнить. Гитлер, может быть, уже чересчур стар или чересчур самонадеян, чтобы учиться. Разумным советам он недоступен. Часто сравнивали Гитлера с Вильгельмом II... Нельзя отрицать многих точек соприкосновения между ними. Обща у них переоценка ораторского искусства в политике, дилетантизм, претендующий все знать лучше всех, основанный на пребывании вдалеке от всего действительно смыслящего в деле, совершенная импульсивность поведения и неумение вынести никакую критику, полное саморастворение во внешних формах, любовь к переходам с места на место и диктаторским оценкам в искусстве“.

Так судит фашист о вожаке фашизма в книжке, написанной апологетически. Довольно выразительный портрет пошлого и невежественного авантюриста, чей успех не может не быть временным и рассыплется в прах, как только он столкнется с „точным знанием и ясной волей“.

А это точное знание и ясная воля, вместе с совершенной и передовой военной техникой, и есть те силы, с которыми столкнулся гитлеризм на „восточном фронте“; они питают героизм советских войск, и это они вооружили и повели на фронт советского интеллигента.

История учила и учит бесчисленными примерами тому, как умственное убеждение, рожденное в творческом горении разума, выношенное

годами, десятками лет упорной интеллектуальной работы, формирует стойкий характер, создает мужественного борца, придает слабому, иногда совершенно одинокому человеку сверхчеловеческую энергию, смелость и силу, заставляющую его, как мать своего детеныша, грудью защищать свое убеждение, открытие или идею. Так сгорали на кострах великие мыслители прошлого, так во все времена и у всех народов убеждение, продуманное творчески, закрепленное в письменном виде на скрижали человечества — в камне, на пергаменте, в книге, — ложилось в основу величайших исторических сдвигов, приводило в действие людские массы.

Для нас, советских людей, чья сила покоится на знании, чьи убеждения выкованы наукой, а не вызваны нервными вспышками „таинственных сил“ слепой кишки, все это — азбучная истина. Но мы видим сейчас эту истину в новом освещении исторического часа, в поведении нашей интеллигенции. Мы видим, как передовая, честная, полная великого гуманизма и благородства молодая советская культура выковывает у нас характеры, помогает им действовать и бороться, ведет их на исторический подвиг.

Пораженные удивлением, фашисты пишут в своих газетах, что „в красноармейских окопах они неожиданно находят... научные книги“. Научная книга в ожесточеннейшую минуту борьбы не на жизнь, а на смерть в руках красноармейца, в окопах! Творческая мысль, живущая черными печатными знаками на белой бумаге, жадно впитываемая глазами, — быть может, при слабом, мерцающем звездном свете, под канонаду! Это ли не величие единственного, непобе-

дмного мужества, величие веры в самую идею человечности!

Посмотрите, с чем и как идут в народное ополчение представители нашей интеллигенции. Признанный во всем мире композитор, гордость нашей музыки, Д. Шостакович взял винтовку и пошел в народное ополчение, написав в заявлении: „Я свою жизнь посвятил музыке... мне дорого это искусство. Я, советский интеллигент, иду сражаться с врагом всего прогрессивного и передового человечества, с врагом культуры и цивилизации, и призываю к этому всех, кому дороги судьбы народов, судьбы культуры...“ Он, музыкант, интеллигент, идет на фронт, чтобы драться за музыку человечества, потому что сейчас надо штыком защищать песню от звериного оскала нового Герострата. Мастер шахматных боев М. Ботвинник пошел в бой, и с ним идет в армию его жена. Они пошли, как идут сотни, тысячи советских интеллигентов, потому что счастье свободного творчества, пережитое ими, неразрывно связано для них с бытием их родимой страны, где они познали уважение к труду и культуре, равенство людей и народов, независимо от их племени и расы. Идея, ставшая реальностью, идея, которой служили советские интеллигенты в самых разнообразных формах умственных профессий, не только не убила характер, но, напротив, закалила характер, стала основой его мужества, сделала его стойким и яростным в борьбе.

А бойцу на фронте она дала острее и глубже почувствовать правду убеждения, основанного на знании, до такой степени, что люди легендарного героизма в выдержки в окопах, под

бомбами, тянутся к серьезной книге, берут ее с собой, ищут в печатных знаках друга, товарища, стараются и тут использовать минуту, чтобы даром не прошла, чтоб еще поучиться и еще вырасти. С этим нельзя не победить!

Как спасена была усадьба Л. Толстого

На окраине Москвы стоит двухэтажный дом, прикрытый с улицы зеленым палисадничком, а с тылу—большим, красивым садом, почти парком. В этот дом пришел в 1920 году В. И. Ленин. Он внимательно его осмотрел, прошелся по комнатам, по саду и потом распорядился, чтоб все тут было сохранено с величайшей заботой, и даже, если засохнет дерево в саду, то чтобы на его место было посажено точь-в-точь такое, по возрасту и по породе. И чтобы большим забором был отделен этот дом от соседнего.

Почему же Владимир Ильич так позаботился об этом доме?

Здесь, с 1889 года и по 1899 год, девять зим, прожил великий писатель человечества, Лев Толстой. Здесь написал он свой роман „Воскресение“, рассказы „Смерть Ивана Ильича“, „Хозяин и работник“, пьесы „Плоды просвещения“, „Власть тьмы“, „Живой труп“ и множество статей. Сюда часто хаживал художник И. Е. Репин, писавший портрет Толстого, живали в гостях и другой художник, Ге, и поэт Фет; здесь много раз на рояле Беккера играл для Толстого, страстно любившего музыку, профессор Гольденвейзер.

Культурная и духовная жизнь великих твор-

цов остается не только в их произведениях, она отражается в доме, где они живут, в быту, в особенностях бытового распорядка. Очень ярко отразилась личность и судьба Толстого и в этой московской городской „усадьбе“ в два этажа и шестнадцать комнат, где Лев Толстой жил со своей огромной семьей, разной по характерам, по вкусам и по своему отношению к жизни. Ленин сказал при посещении толстовского дома, что массы должны знать, как жил Лев Николаевич „на два этажа“. Софья Андреевна, жена Толстого, продав этот дом после смерти мужа, вывезла из него всю мебель, и до революции никто не позаботился собрать ее. И только после слов Ильича закипела работа. Были по одному свежены в дом старые, подлинные вещи великого писателя, был восстановлен до мелочей весь внутренний облик усадьбы, каким он был при его жизни. Сотрудники музея-дома подобрались опытные, страстно преданные своему делу; некоторые, например, товарищ Платонова, проработали в нем девятнадцать лет. И перед посетителями развернулась тяжелая душевная драма Толстого, его жизнь „на два этажа“.

Наверху, в антресолях—в двух крохотных комнатенках с маленькими оконцами—проводил Толстой свой большой рабочий день. Встав рано поутру и погуляв по городу, он садился за простой письменный стол и много часов работал. Завтрак его состоял из ячменного кофе и калача. Писал он простой, узловатой, вишневого дерева ручкой и обычным ученическим пером № 86, бумагу жалел и берег, и даже с полученных им писем (приходивших со всех концов мира сотнями и тысячами) он отрывал остав-

шился чистые листы. Только в сумерках прекращал Толстой писать, но зато переходил к другому труду: зимой любил возить с Москва-реки воду на санках и заливать маленький каток перед домом. Водопровода в доме не было, а посылать за водой „прислугу“, как тогда говорили, он не хотел. Везет, бывало, санки с бочкой, обронит нечаянно втулку, а мальчишки уличные бегут и кричат весело: „Граф затычку потерял!“ Любил Толстой и свой сапожный верстак, стоявший рядом с рабочим кабинетом; на нем он шил себе сапоги и однажды сшил штiblеты в подарок Фету. Вечером к нему наверх шли толпой посетители, большей частью крестьяне, ходокл со всей России. И пока шли к нему— в тулупах, в лаптях, в зипунах,—в большие парадные комнаты к семье его проходили светские гости, потому что семья Толстого, не разделявшая его простых, трудовых взглядов, жила обычной жизнью тогдашних богатых дворян... Так сохранила усадьба личность и историю жизни Толстого. И не нашлось в Союзе ни одного вора, который вздумал бы посягнуть на эту усадьбу, украсть из нее что-нибудь. Не нашлось... до ночи с 22 на 23 июля.

В эту ночь мировые воры и бандиты, немецкие фашисты, выбросили на толстовскую усадьбу пачками тридцать четыре зажигательных бомбы. Старая, сухая, деревянная, она неминуемо сгорела бы, как свеча, и человечество лишилось бы с нею одного из своих замечательных культурных памятников, если бы не пять простых советских людей. В эту ночь они дежурили на усадьбе. В саду благоухала жимолость, сладко пахло свежескошенным сеном, чуть белели колонки не-

большой прелестной беседки, где Толстой любил править корректуры „Воскресения“.

Руковод дежурных товарищ Теодорович созвал еще раз свою маленькую армию для инструктажа, но сказать ничего не успел. Где-то далеко раздались выстрелы, потом резкий шум, разрыв, шипенье: пылая и плюясь огнем, в сад упали шесть бомб. Никто из дежурных не растерялся, только у пожарницы Тюриной, никогда не видевшей ни бомб, ни войны и лишь недавно приехавшей из деревни, в первую секунду глаза расширились... Но уже через минуту она бежала за штангой. Молодая научная сотрудница Гусева схватила лопату и шлепнула в бомбу песком. Но, оглянувшись, увидела возле себя вторую, третью... Запылали в саду сложенные дрова, загорелась трава, вспыхнула помойка. Затлелась занавеска в самом доме. Бомбы продолжали сыпаться. И тут под ясную, спокойную толковую команду товарища Теодоровича развернулась борьба мужественных советских людей против бессмысленного фашистского варварства. Пожарник Зубарев, таская по двору тяжелую штангу, наступал на огонь водяною струей, дворник Юнисов отстаивал от огня деревянный сарай, Гусева продолжала тушить бомбы в саду, возле беседки, возле самого дома; они шипели вокруг нее, как змеи, на ней загорелось пальто, прогорело платье, но она, охваченная невиданным приливом энергии, тушила и тушила их, била их, как гадюк... И вот пришел розовый московский рассвет, прозвучал отбой, тихо стоят в небе, словно далекие корабли на якорях, аэростаты заграждения... В саду дотлевали затушенные го-

ловешки. Все было цело — усадьба не пострадала. Закопченные дымом, замученные, с кровью на лице и руках от царапин и ожогов, переглянулись счастливые пять человек. Это была в их жизни самая торжественная, самая большая минута. Нет большей радости, как отстоять на посту народную ценность! Они выдержали битву с врагом и — победили.

Воскресник на заводе

Огромная территория завода разбита на „участки фронта“, каждый участок получил свою боевую задачу, каждый работник — свое определенное место в ней. И в этой обдуманной, толковой распланировке работ, заранее подготовленной в комитете комсомола, на партбюро, в дирекции, первая большая победа воскресника.

Ведь заводской фронт — обширная вещь, разнообразнейшая вещь, попробуйте охватить ее глазами или обойти за полчаса! Свежий воздух московского утра, ясная синева над головой; заносит откуда-то ветром теплую волну цветочного запаха, не то резеды, не то роз. Это — из палисадника, обрамляющего „пожарное депо“. Оно убрано, как клуб, и оно в самом сердце заводских пространств. Внимание: один из важных фронтовых участков! За день убрать и очистить завод таким образом, чтобы опасность пожара от фашистской „зажигалки“ свелась до минимума. А на открытых пространствах — начатая новостройка, здесь возводился новый цех: горы дерева, россыпи опилок, есть деревянные сараи, дома, заборы, есть обычный мусор — пища

для огня. Впрочем, сейчас уже можно заменить „настоящее время“ прошедшим: было, да нет. Ни одна доска не должна ни сгнить, ни погибнуть, но ни одной не должно и остаться под небом. И со сказочной быстротой на участке возникают стройные группы работ. В ямы, готовые для каменных устоев, одну за другой передвигает человеческий конвейер доски и бревна, укладывает, хоронит.

Вот восемнадцатилетняя круглолицая комсомолка Кузякина, крепенькая сама, как дубок. Она делает мужскую работу — таскает пудовые бревна — и только крикает, только ноги пошире расставит, только на суровом лбу морщю пробежит под тяжестью. На нее даже парни косятся с завистью: маленькая — а силища! И надо видеть, как гордо указывает на нее группорг!

Исчезающее в ямах дерево пересыпается опилками, молодежь то наклоняется над тачками, то стройным движением опрокидывает их. Разбирается деревянное здание, мгновенно пустеет поле. Хорошенькие девушки очищают конный двор — перетаскивают навоз на заводские оранжерейные гряды, и кажется — навоз отливает золотом и пахнет цветами.

Вся контора, весь инженерный состав, конструкторское бюро, техники вышли работать на этот участок. Весело балагурия, размеренными, толковыми, быстрыми движениями работает главный инженер Живулин — „наш человек“ любовно говорит о нем, обернувшись, мастер бронзового цеха. Все эти люди, преимущественно молодые, уже советской формации — хозяева производственных процессов, создатели и творцы самого завода, его материального тела —

кажется, с особенной любовью и охотой убирают его сейчас, делают в сущности самую „черную“, самую простую физическую, чернорабочую, неквалифицированную работу и делают так красиво, в такой обаятельной гармонии, с таким молодым, спортивным воодушевлением, что понимаешь, как важна, как умна, как прекрасна всякая работа на нашей родной советской земле.

Жадно глядит на товарищей комсомолец Виктор... Он дал обязательство. И он один его выполняет. Но этого ему не стыдиться: Виктор стоит возле секретаря комитета со связкой бумаг в руках — он вчера был призван, сегодня оформляется, завтра уходит в армию и будет писать ребятам с фронта хорошие боевые письма, как уже пишут другие призванные.

А вот к работающим, важно нахмурившись, шерстяной берет набекрень, хорошенькое личико все в темной металлической пыли, пробирается малец. Это что за фигура? Это — Шура, — скажут вам на заводе. Любимец. Ему 14 лет. Он сын заводской уборщицы, а сам ученик слесаря. Шура — серьезный парень, он только что выполнил свою норму („очистил 54 развертки, да это — что!“ — цедит он сквозь зубы недовольным тоном), а сейчас спешит „здешним подсобить“. Так и вспоминаешь некрасовского мальчонку „с ноготок“, цедившего басом. Этот — будущий комсомолец и какой! Этот вырастет — не забудет священных дней обороны, московских ночей на дежурстве, великой горячей любви к родине, великой святой ненависти к фашизму.

Но пройдем туда, где совершается главное дело завода, в цеха. Здесь уже многие до обе-

денного перерыва успели выполнить 150, 200 процентов нормы. „Ныне особый день“, — только и отвечает мастер Филатов, не отходивший с утра от станков. Слово „особый“ он говорит так, как поэт читает свое самое задушевное.

В механических и сборочных цехах почти все комсомольские парторги — самые лучшие производственники. Высокий парень с хорошими серыми глазами — комсорг Зуйков. С ним хочется и постоять, и поговорить, и посмотреть на него: это тот, кого мы, писатели, жадно, сердцем высматриваем, как „ведущего“ для книг наших. Но жалко отрывать его от дела. Ведь он со своей бригадой собрал в полтора дня коробку скоростей, на которую по норме полагается восемь дней. Что в этом парне — до войны отличном футболисте — особенно хорошо и, пожалуй, типично для большинства комсомольских организаторов на заводе? Послушайте, как он окликнул соседа своего Мишу Романюка; вы в голосе его почувствуете большую, человеческую дружбу и организатора и товарища по станку, ту гордую своим коллективом дружбу, которую знает только вожак-производственник, положивший душу на организацию своих же товарищей. И эти товарищи чувствуют и любят его и не подведут ни у станков, ни у пушек. Невольно вспоминаешь идиотский, жалкий бред фашистского „теоретика“ Розенберга о том, что будто бы „большевизм — это хаос и полное отсутствие организации“. На собственной спине своей убедился и убедится этот теоретик, какова большевистская организация. Не машины, не грабителей, не зверей-насильников организуют большевики, а людей больших, настоящих, про-

стых — но каких людей! „Гвозди бы делать из этих людей!“ — воскликнул в одной из ранних своих баллад поэт Николай Тихонов. Они не погнутся, не сломаются, не подведут, не обманут, эти стальные и добрые, мужественные и любящие советские люди. В бригаде Зуйкова молчаливо работает комсомолец Тимохин. Он из Кашеры, и в его внешнем облике есть что-то от Горького. Тимохин ежедневно дает 200 процентов нормы, а сегодня он до обеда уже отработал 250 процентов и надеется к концу дня дать 360. Товарищ его, Савичев, заболел, ушел, больной, все-таки дать 150 процентов, но мальше не смог, и его увезли. И Тимохин молча нагребает проценты и за себя и за него. комсомолец за комсомольца.

Никто из них много не говорит. Рабочий человек не разговорчив, никогда не похвалится, не прихвастнет, скорей он преуменьшит. А если хотите поговорить, идите к ученикам в механосборочный, тут вы найдете девушку-бухгалтера, ставшую к станку, потому что оба ее брата любимых, Матвей и Николай, в армии и ей хочется не отстать от них. Худошавая женщина в платке, без улыбки, но с сиянием в глазах, работает у станка, словно на рояле играет. Это — тов. Байкалова, помощница начальника управления по делам искусств Московской области, режиссер и педагог с 22-летним стажем. И она пришла сюда с первых дней войны: „Здесь я больше приношу пользы! Если бы вы знали, какое это счастье сделать вещь, материальную вещь, и знать, что она пошла в обращение, служит стране, служит обороне!“

Вот они, молодые и старые, наши витязи тру-

догового фронта, серьезные, молчаливые комсомольцы и пожилые люди с комсомольским сиянием в глазах — единые в своем чувстве, в своем напоре, своем обете перед родиной! И разве можно победить таких людей?! Непобедимы те, в ком сосредоточен сейчас могучий нравственный смысл всего человечества, кто отвечает собой, своим мужеством—за весь мир. Слава им!

Стратегия мирового двурушничества

08/02/80.
A 22/80.
Всю свою внешнюю политику с первого дня прихода к власти Гитлер строил на систематическом, не имеющем себе равного в истории, сознательном двурушничестве. Превратив всю Германию в фабрику войны, воспитывая германскую молодежь на „романтике“ военного разбоя и безоглядного солдафонства, он в то же время ежегодно заверял народы мира в своем миролюбии:

„Германский народ желает жить в мире со всем миром“,— заявляет он голосом ягненка в 1933 году.

„Мы не намерены нарушать права какой-либо нации и не желаем ни урезывать жизненные возможности какого-либо народа, ни поработать, ни угнетать, ни подчинять его“,— с ораторской „слезой“ декларирует он в 1934 году.

„Имперское правительство... дружественно заявляет, что выполнит все обязательства, вытекающие из любого добровольно подписанного договора, даже в том случае, если этот договор был заключен до его прихода к власти“,— щепетильно уверяет в 1935 году.

„К Европе у нас нет никаких территориальных притязаний“¹, — клянется в 1936 году...

Ему нужны эти уверения, эта маскировка, это соловьиное пенье в эфир, чтоб убаюкать народы Европы и успеть под шумок как можно больше настроить танков, самолетов, наготовить смертоносных бомб, натаскать на будущие разбой и убийства немецкого солдата.

Но есть мудрое выражение: „Язык мой — враг мой“. Болезненный маньяк речи, Гитлер не только официально разглагольствовал в эфир, но и выговаривался по душам в интимном кругу своих близких. Один из этих близких, друг Гитлера и сам бывший видный фашист, Герман Раушнинг, подвел своего болтливого „фюрера“. Он издал в Париже в 1939 году книгу под завлекательным названием „Гитлер мне говорил“, и вот оказывается, что мирный ягненок, убаюкивавший нежными завереньями европейские страны, в домашней обстановке разговаривал об этих же самых странах точь-в-точь так, как проголодавшийся людоед о будущем завтраке:

„Я введу войска в Париж, может быть, еще в мирное время, Они будут носить французскую форму, они будут маршировать среди белого дня по улицам, и никому не придет в голову их остановить. Они займут министерство, парламент. В течение нескольких минут Франция, Польша, Чехословакия будут лишены своих руководителей“. Людоед разболтал одну из своих хитростей, гримировку под противника. Что

¹ Все эти речи Гитлера были напечатаны. Они приведены в так называемой „Белой книге“, изданной в Польше.

Раушнинг не фантазировал, доказала вся последующая тактика Гитлера на войне. Но послушаем дальше:

„Я задолго установил связь с людьми, которые (в оккупированных странах) сформируют новое правительство, угодное мне. Таких людей мы найдем везде. Мы даже не будем иметь необходимости покупать, они сами нас найдут, толкаемые амбицией, ослеплением, разногласием и честолюбием“.

Людоед разболтал тут другую свою хитрость — ставку на предателей внутри чужой страны, на так называемую „пятую колонну“. И опять, что это не фантазия Раушнинга, доказала вся последующая практика Гитлера, его опора на всяческих продажных квислингов, ненавидимых их собственными народами. Но послушаем и еще дальше:

„Мы найдем достаточно добровольцев. Мы их переправим через границы еще в мирное время мелкими партиями, и весь мир будет думать, что это кругосветные путешествия... Я введу их по частям. Наша стратегия будет состоять в том, чтобы разрушить врага изнутри... Совершенно необходимо, чтобы вражеская нация была деморализована, чтобы она была подготовлена к капитуляции, чтобы она была морально принуждена к пассивности, даже прежде чем придет мысль о военных действиях“.

И тут людоед выболтал третью хитрость — надежду на разрушительную работу своих диверсантов-шпионов. Гримировка под врага, опора на низких предателей в стане врага, засылка к нему своих шпионов и диверсантов — такова излюбленная стратегия Гитлера. Он называет ее

„военной“. Но он ошибается. Каждую свою мечту, выболтанную Раушнингу, Гитлер неизменно заканчивает словами: „Враг покорится еще до начала военных действий“, „враг будет деморализован *прежде*, чем ему придет мысль о военном сопротивлении“. Хороша „военная“ стратегия, основанная на том, чтобы не довести дела до настоящего боя! Такая „военная“ тактика — сестра двурушнической гитлеровской дипломатии, построенной на словесном гипнозе жертвы перед тем, как ее обобрать.

Есть мудрая армянская сказка о змее и землешце. Змея сказала землешцу: „Я лучший твой друг“. Землешец ответил: „Для змей у меня только одна дружба“. И он размозжил ей голову камнем.

Балтийский барон Мюнхгаузен — Розенберг

Еще до прихода Гитлера к власти среди нацистов в ходу была поговорка: „Что Розенберг скажет, то Гитлер прикажет“. Поговорка выражала то, о чем каждый гитлеровец отлично знал: растущее влияние выходца из Прибалтики, Розенберга, на их вождя. Вот как описывает один из фашистов, Биллунг, в своей книжке „Вокруг Гитлера“ первое появление на сцене этого балтийского авантюриста: „На эстраде — большая, длинная фигура со светлыми волосами, водянисто-голубыми глазами и желтоватым лицом. Тип, собственно, вовсе не германский. Его речь не очень свободна, он читает с жестким акцентом балтийца. В его крови есть примесь эстонской

крови. Этот докладчик — Альфред Розенберг, духовный вдохновитель Гитлера... Мозг, не способный чувствовать и не знающий движений сердца, полный честолюбия и эгоизма*. И дальше: „Чего ему совершенно нехватает, так это такта и способности ладить с людьми. Его обращение отличается той резкостью и высокомерием, с каким бароны его балтийской родины обращались к своим подчиненным“.

Итак, жуткая с точки зрения фашизма анкета: желтолицый человек, неуравновешенный, бестактный, не чистого германского типа, не чистого германского происхождения, не очень свободно выступающий по-немецки, добавок с чуждым, жестким акцентом. И вдруг этот сомнительный тип становится не чем иным, как идейным вожаком, ближайшим вдохновителем Гитлера! В чем дело?

Главное, чем Розенберг пришелся ко двору Гитлеру, это его принадлежность к немцам Прибалтики, которые, в силу целого ряда исторических условий, потрудились над созданием фашистской „идеологии“ гораздо больше, чем даже сами так называемые „имперские“ немцы.

Мы, советские люди, и особенно моряки Балтфлота, должны хорошо знать эту страничку истории. Должны знать, какое множество имен среди „теоретиков фашизма“, еще задолго до появления на сцене Гитлера, принадлежит балтийским немцам; какое множество всякого рода гнуснейших антирусских книг было безнаказанно выпущено этими „русскими балтийцами“ в Германии еще до первой мировой войны.

Все эти потомки псов-рыцарей, разбитых нов-

городским войском в 1242 году на Чудском озере, получали, как правило, образование в одном из русских университетов (петербургском, юрьевском), ели русский хлеб, жирели на землях русского государства и, пользуясь своим знанием русского языка, становились матерыми шпионами. Правда, царское самодержавие, насчитывавшее в своем роду немало немецких „принцесс“, имело в балтийских баронах своих верных слуг. Но формула их верности была особого рода. Они говорили: „Я верен царю, но отнюдь не России“.

Немцы-помещики в Балтике, будучи „верными царю“, ненавидели, презирали и предавали Россию. Они сидели в своих дворянских поместьях, как в средневековых замках. Коренное местное население—латышей и эстов—они держали на положении чуть ли не рабов, заставляя их отрабатывать „барщину“ на своих землях. В рижском музее хранится так называемая „хлебная плеть“—страшный кнут, которым бароны собственноручно стегали латыша или эста, пришедших просить у них займы хлеба, так как, работая на барщине, они не успевали засеять своих собственных жалких полей. Ни в одной части света ни одно дворянство не пользовалось такой полной и безоговорочной властью над своим крестьянством, как балтийские бароны. Им принадлежали суд и школа, в их руках было монопольное право винокурения; никто, кроме них, не обладал правом охоты. Крестьянин—латыш или эстонец—не смел застрелить на своей земле зайца или суслика, даже если они на его глазах объедали крестьянский огород или фруктовый сад. Бароны смотрели на коренное

население, как низшую расу, и ни один немец-слуга никогда не сел бы рядом со слугой-латышом или эстонцем. Но даже такое презрение и пренебрежение к коренным жителям балтийских земель бледнеет перед тем, что чувствовали балтийские бароны к русскому народу.

Немецкое балтийское баронство, объявив себя „передовым постом германизма и чистоты немецчества“, еще задолго до советской власти проповедывало крестовый поход против России и „отодвижение“ ее в азиатские пески, чтоб забрать себе богатую и тучную русскую землю, отнять богатые русские недра, захватить красивейшую русскую северную столицу! Вот откуда черпал Розенберг свою идеологию, наскоро подкрашенную лозунгами против большевизма.

Немудрено, что Гитлер обрел в Розенберге самого подходящего „идеолога“. Но ретивый балтиец, повторяя фанфаронные речи о „ничтожестве русских“ и „высокой культурной миссии германцев“, втянул фашистские гитлеровские банды в не очень-то веселую переделку. Слишком поверив его знаниям, покоившимся на столетнем балтийском барон-мюнхгаузенском вранье, слишком понадеявшись на то, что Розенберг — „спец“ по части русского характера и России, Гитлер на спине своей армии горько проверяет сейчас специальные познания своего горе-теоретика. А „культурную“ роль балтийских баронов, этого „передового поста немецчества“, давно уже проверили на своей спине латышский и эстонский народы. Мирный латышский интеллигент Г. И. Виграб, далекий от всяких революционных мыслей,

писал в своей книге, вышедшей еще до Октябрьской революции, в 1916 году в Юрьеве:

„Что же касается техники земледелия в Балтике, то еще в начале XIX века крестьяне обрабатывали поля помещиков и свои совершенно так же, как лет 600—700 тому назад. Таким образом, латыши и эсты, которые находились на той же ступени культурного развития, как их соседи, превратились в бедную, угнетенную, необразованную толпу даже не латышских и эстонских, а просто немецких крепостных, безо всякой будущности, которых, по мнению их всемогущих господ, сама судьба предназначила к вечному рабству. Таковы были итоги 600-летней культурной работы немцев. Но одно „благо культуры“ помещик все-таки передал своим крестьянам—это водка“.

Наш родной Балтийский Флот, наша героическая Красная Армия знают, что подобная „культурная роль немцев“, испробованная на латышском и эстонском крестьянстве и насаждаемая ныне в оккупированных фашистами европейских странах, предназначалась Гитлером и для нас. И они сметут баронско-фашистскую грязную накипь с лица нашей земли, они развеют смрадный ее дым на веки вечные, чтоб и могилы и песочного холмика не осталось над гнусными немецкими баронами Мюнхгаузенами!

Немецкие помещики на Руси

Почти четверть века советский народ, напряженно и самоотверженно работая, сколачивая общественную копейку за копейкой, отказывая

себе в досуге, урезывая себя в быту, — выпестовывал, как мать ребенка, родную землю, холил, лелеял ее, рыл канавы, осушал болота, выкорчевывал пни, удобрял, устраивал, проводил дороги, возводил мосты. И сейчас, когда тысячи машинно-тракторных станций к услугам родной земли; когда у нас созданы образцовые фабрики хлеба — колхозы и совхозы; когда сотни и тысячи дворцов-санаториев во всех замечательных углах нашей родины — в лесу, у моря, в ущельях гор — дают отдых и здоровье миллионам трудящихся; когда мы заставили на севере расти виноград, завели собственные чайные плантации, продвинули пшеницу туда, где ее раньше не было, добились необычайного размаха технических культур, освоили огромные пространства, раньше лежавшие втуне, — сейчас на это зарятся фашистские банды. Хороший кусок — тучная советская земля, ломтями по десяткам и сотням тысяч десятин; не только пахотная — всякая, с лесами и лугами, горами и недрами и даже трудная, песчаная, — от нее они тоже не откажутся, на то ведь и миллионы крестьянских рук, которые им тоже нужны вместе с землей.

Представим себе на минуту, что было бы, если б мечта гитлеровской шайки осуществилась. Наша колхозная молодежь выросла, не зная, что такое помещик. Привыкшая к самоуважению, к безграничному чувству будущего, к возможностям расти и расти, лишь бы охота была, к вольному труду-подвигу, слитому с трудом всего народа и поднимающему всю страну, — эта молодежь вдруг увидела бы жирного немца-фашиста, убийцу ее отцов и братьев, врага ее

родины, в роли своего „барина“. Немец-барин засел бы хозяином в санаторские дворцы, превратив их в собственные усадьбы. Он поставил бы колхозные тракторы на свое поле, он воздвиг бы огромные амбары, его управляющие—с собаками, с кнутами, при помощи жандармов—погнали бы советскую молодежь, как рабочую скотину, работать... Но как! Труд—из подвига, совершаемого добровольно, отрядно, с честью,—станет тяжким надругательством. Земля обернется горькой недолей, она—чужая; хлеб надо свозить в амбары одного человека, лить свой пот для того, чтоб этот один, палач и убийца, жил сладко, презирал тебя, считал скотом, нет—ниже и безответственной скота. Молодежь не может представить себе этого. Но старики помнят. В царское время у нас в России было немало помещиков-немцев, а в русских поместьях—немало немцев-управляющих. Еще Некрасов в бессмертных стихах рассказал о том, как хозяйничали эти пришлые бары на русской земле и чем отличалось их хозяйничанье. Вот в дикую, болотистую глушь, Корегу, куда не отваживался ездить сам помещик, потому что и дорог в нее не было,—наследник его присылает управляющего-немца:

Через леса дремучие,
Через болота топкие
Пешком пришел, шельмец!
Один, как перст: фуражечка,
Да тросточка, а в тросточке—
Для уженья снаряд.

И этот пришелец с удочкой, обученный в русских сельскохозяйственных школах, как

выжимать из крестьянина соки, что называется на языке этих господ „высшей организацией труда“, — исподволь проявил свою эрудицию:

И тут настала каторга
Корежскому крестьянину —
До нитки разорил!
Повел хлеб-соль с исправником...
А драл, как сам Шалашников...

Но, впрочем, не совсем так: прежний помещик хоть и драл, но, надрав, все же „отваливался“, как „в собачьем ухе клещ“. А немец стал драть без этой прежней „простоты“:

У немца — хватка мертвая:
Пока не пустит по миру,
Не отойдя, сосет!

Некрасов рассказывает, как доведенные до отчаянья крестьяне расправились с немцем, — и в этом скупом, выразительном рассказе большого поэта дышат та сила и ненависть к палачу, к насильнику родной земли, какие мы чувствуем сейчас в великом партизанском движении наших богатырей-колхозников:

Осьмнадцать лет терпели мы.
Застроил немец фабрику,
Белел колодец рыть.

И когда, голодные, измученные, оборванные, они рыли колодец, а немец „стоял и поругивал“, да „не спеша, по-своему, пилил их“, да пошвыривал носком в яму мокрую землю, обдавая их презрением „высшей расы“ к низшему, невыно-

стытым, потерпимым для человека, нечеловеческим презрением,—

Случилось, я легонечко
Толкнул его плечом.
Потом другой толкнул его
И третий... Мы погрудились,
До ямы два шага...
Мы слова не промолвили,
Подталкивали бережно
Все к яме... все на край...
И немец в яму бухнулся.
Кричит: „Веревку! Лестницу!“
Мы девятью лопатами
Ответили ему.
„Наддай!“ Я слово выронил,
Под слово люди русские
Работают дружной.
„Наддай! Наддай!“ Так наддали,
Что ямы словно не было —
Сравнялася с землей!

Случай, рассказанный Некрасовым, не выдуман. О таких случаях расправы с невыносимым хозяйничаньем немецких помещиков в России много упоминает и Герцен в „Колоколе“. А главное— это не исключительный образец кровососа, не единичное явление, а характер типовой и, можно сказать, исторический. Именно по этому способу „хватки мертвой“, хозяйничанья до тех пор, пока „не пустят по миру“, и организуют свое помещичье хозяйство немцы на чужих землях, оттого так и ненавистно было самое слово „немец“ для русского крестьянина, да и не только русского. Хозяйничанье немцев-помещиков над крестьянами — латышами и эстонцами в Балти-

ке было особенно издевательским, и оно свежо в памяти людей моего поколения. Множество книг написано об этом. Даже сам представитель немцев, балтийский барон Врангель, в книге „Балтийский вопрос в личном освещении“, изданной в 1907 году в Ревеле, должен был сделать такое признание: „Очень вероятно, что ненависть коренного населения к немцам в сильной степени вызвана тою жестокостью и тем высокомерием, с которыми наши предки обращались с коренным населением“.

Но это признание похоже на сконфуженный шопот. Оно и в тысячной, в миллионной доле не передает правды. Чтобы советский человек мог в полной мере представить себе, что такое немец-помещик и с чем, с какою системой он управлялся хозяйничать на чужую землю, пусть он вдумается в слова более откровенного свидетеля, немецкого пастора Хупеля. Этот „божий слуга“ издал в конце XVIII века „Экономический справочник“ для господ балтийских помещиков. Озабоченный страшнейшим разорением и обнищанием крестьянской массы и тем, что латыши и эсты „перестали производить детей“ (то есть воспроизводить новых рабов для хозяев), служитель доброй лютеранской церкви решил помочь делу и предложить разные спасительные меры. Что же? Может быть, он пожалел народ? Посоветовал не так крепко налегать на него? Нет, пастор Хупель написал буквально следующее:

„Если какая-нибудь местность обеднела, то иногда можно вызвать у крестьян желание иметь детей... тем, что им устраивают веселый пир или же дарят водку...“

Правда, пастор тут же оговаривается, что хотя рецепт этот и действует, но, к сожалению, „дети редко получаются сильные и работоспособные“¹.

Пусть каждый советский человек в нашем Союзе запомнит эти слова немецкого пастора. Они откровенны и ясны. Они говорят о том, что побежденный народ для немцев даже не скотина (голодную скотину стараются выводить), а раб, которого можно возместить таким же рабом.

¹ Приведено в книге Г. Виграба, изданной в 1916 г. в Юрьеве.

Содержание

Отечественная война и советская интеллигенция	3
Как спасена была усадьба Л. Толстого	8
Воскресник на заводе	12
Стратегия мирового двурушничества	17
Балтийский барон Мюнхгаузен—Розенберг	20
Немецкие помещики на Руси	24